

Сибирь против Наполеона

Главной битве Отечественной войны исполнилось 204 года

Нашествие «дванадцать языков» на Россию стало прототипом будущих мировых войн, в которых, уже исходя из названия, трудно остаться посторонним. Хотя Сибирь никогда не становилась полем битвы с иноземцами, ее участие в защите страны всегда было самым прямым, и война 1812 года – не исключение. Вот несколько фактов, хоть и не вошедших в хрестоматию, но все же интересных и важных.

«Автомат» Калашникова

В 1841 году уроженец Иркутска, петербургский литератор и чиновник Иван Тимофеевич Калашников опубликовал отдельным изданием повесть, которая называлась «Автомат» – да, случаются такие прощеские совпадения. В наше время ее напечатали в предельно сокращенном виде, поэтому объяснить происхождение столь странного для начала XIX века названия не представляется возможным.

Это было типичное романтическое чтиво, где герои, обливаясь слезами умиления, падали друг другу на грудь, сверкали глазами и подкручивали пышный ус.

Однако «Автомат» Калашникова до сих пор остается единственным произведением в русской художественной литературе, отразившим участие сибиряков в Отечественной войне. Историки этим вопросом хоть как-то интересовались, а вот писатели – за целых два столетия – почти никогда.

«В Иркутске была получена грозная весть о вступлении в Россию Наполеона, весть, потрясшая русских от Днепра до Камчатки. В Иркутске, за шесть тысяч верст от столицы, всякая рана, всякий удар, наносимый отечеству, столь же живо были чувствемы, как и в самом сердце России».

Молодой дворянин Евгений Судбин и его гимназический учитель Матвей Петрович, оба пострадавшие от интриганов в мирное время, с воодушевлением восприняли манифест государя о начале войны и тут же поступили в армию, поскольку у них «на земле ничего не осталось драгоценного, кроме отечества». И любимых дам, конечно.

Сражались они с беззаветной храбростью.

«– Ну, друг мой Евгений, – сказал с глубоким чувством Матвей Петрович, – прости навсегда. Там ожидает меня конец моих несчастий. Если останешься жив и увидишь мою Амалию, скажи, что последний вздох, последняя мысль были посвящены ей».

Матвей Петрович и вправду погиб в том бою, а вот Судбин

Эпизод Бородинского сражения. Подвиг артиллеристов. Художник А. Ю. Аверьянов

остался жив. После войны обрелся в столице, влача жалкое существование мелкого чиновника, был по-прежнему кристально честен, отчего чуть не помер с голоду, но в финале появился добрый начальник, дал хорошую место с хорошим жалованьем, тем самым вознаградив его за изобилие добродетелей.

Не принял шпагу...

Командир 24-й Сибирской дивизии генерал-майор Петр Гаврилович Лихачев, кавалер ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия III степени, стал единственным русским генералом, попавшим во французский плен. «В Бородинском сражении, будучи большим (из-за сильных болей

рованной мне Государем моим и отданной мной не добровольно: от него могу лишь принять обратно». Отправленный пленным во Францию, Лихачев умер в пути в Кенигсберге».

После Бородинской битвы потери в сибирских полках, находившихся на самых горячих участках, были огромны. В Сибирском драгунском полку остались лишь 125 рядовых и три офицера. Томский и Тобольский пехотные полки потеряли более половины людей. В целом за время Отечественной войны и заграничных походов русской армии из шести тысяч солдат и офицеров 24-й дивизии в живых осталось 600. Всего же Сибирь отправила на фронт примерно 3,5 тысячи человек.

За время Отечественной войны и заграничных походов русской армии из шести тысяч солдат и офицеров 24-й Сибирской дивизии в живых осталось 600. Всего же Сибирь отправила на фронт примерно 3,5 тысячи человек

в ногах не мог ходить), он руководил сибиряками, сидя на походном стуле в переднем углу редута под градом пуль, ядер и гранат, – пишет новосибирский историк Юрий Фабрика. – Вокруг него беспрестанно падали убитые и раненые, но он мужественно ободрял своих молодых: «Смелей, ребята! Помните, мы деремся за Москву!» В критическую минуту генерал во главе солдат с обнаженной шпагой бросился в атаку. Раненый, исколотый штыками и повернутый на землю прикладами, еле живой, он был взят в плен и представлен Наполеону. Сказав Лихачеву несколько утешительных, приветственных слов, Наполеон подал ему его шпагу. Лихачев отрубил великодушные императора. «Благодарю, Ваше Величество, – отвечал он слабым, болезненным голосом. – Плен лишил меня шпаги, да

Также в компании 1812–1814 годов участвовал 95-й Красноярский пехотный полк. Под Бородино он потерял 20 офицеров и 712 нижних чинов. Однако с нашим городом это воинское формирование было связано только сходным названием. Все время своего существования, вплоть до 1917 года, полк квартировал в западных губерниях империи.

Дезертиры трудового фронта

Сибирь, как известно, была местом ссылки. Людей, отправленных за разные провинности за окраину страны, не принимали ни в армию, ни в ополчение, несмотря на то что многие из них рвались на фронт. При дополнительных рекрутских наборах восточным губерниям, по сравнению с центральными, поставили довольно щадя-

щую норму: по два новобранца с 500 душ. К западу от Урала в армию забирали пятерых с полутысячи. Правда, тогдашний военный министр князь Горчаков, вероятно, для того чтобы облегчить выполнение задания, разрешал брать в рекруты людей ниже установленного нормативом роста не менее двух аршин и двух вершков, а также с телесными недостатками, не мешающими маршировать и обращаться с оружием.

При следующем дополнительном наборе рекрутов заменили денежным взносом – минимум две тысячи рублей. Сибирь также не включили в список губерний, в которых формировалось народное ополчение. Осталось дома, для охраны границ, и сибирское казачество – воевать шла только регулярная армия. Однако добровольцы бежали на запад, чтобы принять участие в войне – таковых было приказано ловить и возвращать домой. Возможно, это связано с общим малолюдством российского Востока, а также с необходимостью сохранить в глубоком тылу материальные и человеческие резервы. Через полтора столетия, во время Великой Отечественной войны, убежавших вопреки приказам сражаться за Родину будут называть «дезертирами трудового фронта».

28 августа 1812 года Красноярский городской голова Новиков получил приказ из Томска (в то время наш город входил в состав Томской губернии) собрать с городских купцов и мещан определенное количество сукна и холста для обмундирования новобранцев, а также деньги. Набралось немногим более 1 300 рублей. Губернатор Марченко был так этим недоволен, что даже не стал докладывать об этих деньгах военному министру. Он написал внушительное письмо красноярскому голове, которое, видимо, оказало сильное действие: вскоре было собрано без малого 11 тысяч рублей – огромная по тем временам сумма.

Святое дело

Одним из участников Отечественной войны был Даниил Корнильевич Дема, будущий Даниил Ачинский, причтенный к лику местночтимых святых. О его подвижничестве известно не так уж много, а о военной биографии – совсем мало.

Родился он в Малороссии, отдал его в рекруты, стал он артиллеристом, на войне был застрельщиком – понынешнему наводчиком орудия. Дослужился до фельдфебеля, скопил гигантский по солдатским меркам капитал в 300 рублей, имел карманные часы, и при этом, как сам о себе рассказывал, был очень скуп, «калача жадничал купить». Выучился грамоте, стал читать Священное Писание, которое настолько преобразило его, что когда через 17 лет примерной службы вышел ему чин унтер-офицера, заявил полковому командиру о твердом намерении стать иноком. Даниила сначала долго уговаривали, потом угрожали расстрелом, проведением сквозь строй в две тысячи человек, но, в конце концов, послали в Сибирь, где он и проплавился как подвижник и чудотворец. Однако это было спустя 20–30 лет после войны.

А сам 1812 год в Красноярском уезде отмечен нехарактерной для военного времени чертой – здесь активно строили церкви. В архивах сохранились документы Тобольской духовной консистории о том, что крестьянин села Верхне-Имбатское Семен Давыдов Щеглов 28 августа – то есть через два дня после Бородино – начал сбор пожертвований на завершение строительства каменной Успенской церкви. Известно также, что щедрые пожертвования пушнинаю делали остяки.

В самом Красноярске завершилось возведение Благовещенского собора, в котором сейчас женский монастырь. Начал его строить в 1804 году иркутский мастер Иван Прохоров, продолжил енисеец Иван Отрышков, закончили красноярские купцы Петр Ларионов и Егор Пороховщиков. При этом Благовещенский собор уникален тем, что война внесла коррективы в его архитектуру. Сначала планировали строить двухэтажный храм, но после известия об изгнании Наполеона из России решили возвести третий ярус – в честь благоверного князя Александра Невского.